

После всех этих душевных терзаний Сун Цимин наконец уяснил: наставнику не пристало малодушничать. В спорах он отродясь никому не уступал, а промолчал тогда лишь потому, что вопрос требовал зрелого размышления. Он слишком хорошо знал Шэнь Цзибая — юноша никогда не сердился по пустякам.

Помедлив, Сун Цимин опустил пиалу на стол и неторопливо заговорил:

— За долгие годы одиночества я повидал немало. И признаться, порой тоска стискивала мне грудь — просто оттого, что некому было излить душу. Смотрел я, как другие учителя со своими учениками, шумно и весело, рука об руку покоряют подлунный мир, пока я один брёл по краю бездны... Тоскливая доля. Тогда-то я и понял: чем больше людей рядом, тем теплее на сердце. Да и учеников я выбираю не просто так, а по велению судьбы. В тебе я разглядел славную, чистую душу, оттого и взял под своё крыло. А в Цао Юэпу течёт весёлая лисья кровь, он смышлён и ловок — с ним наше скромное пристанище наполнилось бы жизнью... К тому же, если в один из дней я внезапно покину этот мир, вы, мои ученики, сможете собраться вместе у моей могилы. Станете делиться дорожными байками, спорить, вспоминать былое... И мне, твоему учителю, там, за гранью, будет спокойно.

Шэнь Цзибай, услышав последние слова, заметно напрягся. Он помрачнел от тревоги.

— О чём вы говорите, учитель? — взволнованно спросил он. — С чего бы вам внезапно покидать этот мир?

Сун Цимин лишь мягко усмехнулся:

— Глупости всё это. Пустые бредни.

Шэнь Цзибай тихо вздохнул:

— Шум и веселье — это и вправду хорошо. Я ведь часто видел, как вы, учитель, сидите в одиночестве на валуне под солнцем, а на челе вашем лежит тень глубокой печали. Мне так хотелось, чтобы вы почаще улыбались... Но я уродился упрямым и нелюдимым, от меня мало проку, когда нужно развеять тоску. Если вы пожелаете принять под своё крыло других учеников, я буду только рад.

Сун Цимин никак не ожидал, что Сяо Бай проявит такую трогательную заботу. Прежде он видел в Шэнь Цзибае лишь несокрушимого главного героя из романа, но теперь, пожив с ним бок о бок, разглядел его чуткую, ранимую душу. Наставник долго молчал, согретый этой неожиданной теплотой, а затем протянул руку и ласково взъерошил мягкие волосы на круглой макушке ученика.

— Раз ты так думаешь, Сяо Бай, то моему сердцу уже легко, — мягко проговорил он.

За три месяца разлуки Шэнь Цзибай заметно переменился. Сун Цимин вдруг поймал себя на мысли, что макушка юноши теперь доходит ему до самого подбородка, да и плечи его заметно раздались вширь. Впрочем, удивляться не приходилось: пространство Лоюй, укрытое от мирских глаз, веками копило первозданную духовную энергию. Для совершенствования тела и духа лучшего места было не сыскать.

Что же до остальных... После того как в Несокрушимом городе разразился хаос, Лю Цзуван, Цао Юэпу, Дун Эжань и Се Тайю сумели ускользнуть под прикрытием общей суматохи. Покинув проклятые стены, они благополучно добрались до города Надо, где и залегли на дно, зализывая раны.

Сун Цимин заранее отправил Лю Цзувану весточку с приказом уводить людей при первой же возможности — спасение жизней стояло на первом месте. Из всей их разношёрстной компании Лю Цзуван отличался самым рассудительным и спокойным нравом. Он мгновенно оценил обстановку, разгадал замысел наставника и, не теряя драгоценных мгновений, силой увлёк за собой упирающегося Цао Юэпу.

Больше всех, как и следовало ожидать, бунтовал упрямый человек-лиса. Цао Юэпу всюю скалил зубы и возмущённо ворчал:

— С чего это мы бежим?! Почему Сун Цимин до сих пор не вернулся? Он же божился, что выберется целым и невредимым! Обманщик несчастный!

Лю Цзуван лишь мягко улыбнулся, прекрасно понимая, что за напускной грубостью лис прячет искреннюю тревогу за жизнь своего спасителя.

— Не изводи себя, — успокаивающе промолвил он. — У господина Цимина всегда припрятан туз в рукаве. Он найдёт способ уцелеть.

С тех пор как Сун Цимин вернулся в пространство Лоюй, Шэнь Цзибай ещё два месяца провёл в глубоком изучении тайных сутр и священных техник. Каждое утро, без единого дня пропуска, он садился под раскидистой кроной дерева Лоюй, погружаясь в медитацию и направляя потоки духовной силы по меридианам тела. К часу змеи он перебирался к Прудку Нефритовых лотосов, чтобы практиковать технику сокрытия дыхания и успокоения сердца.

Каждый день усердных тренировок ученика оборачивался для Сун Цимина выполненным заданием от системы. Награда за наградой капали на его счёт, и желанные лунные камни, которые он кропотливо копил долгие семь месяцев, наконец покрыли те колоссальные траты, что он совершил в Несокрушимом городе.

Стоило Сун Цимину вспомнить о тех двух сотнях безвозвратно утерянных лунных камней, как его сердце обливалось кровью. С каждым днём его лютая ненависть к Путо Иню крепла и

разрасталась пышным цветом. Не выдержав, он даже раскошелится в магазине системы на тряпичную куклу для проклятий. Выведя на её спине имя врага и дату его рождения, Цимин целыми днями самозабвенно колол её иголками, пинал и метелил почём зря. Вокруг него клубилась такая густая тёмная аура чистейшей злобы, что Шэнь Цзибай, проходя мимо, испуганно пятился назад.

В конце концов юноша не выдержал и негромко спросил у парящего в воздухе бессмертного Тао Жуй:

— Что это с учителем?

Тао Жуй, глядя на это безумие, лишь беззаботно посмеивался:

— Будь снисходительнее к своему наставнику, малыш. Ему тоже нужно как-то выпускать пар.

Шэнь Цзибай вновь опустил голову и принялся усердно тереть ветошью холодную сталь клинка. Мысли в его голове путались, превращаясь в неразличимый ком, пока над ухом снова не раздался вкрадчивый шёпот Тао Жуй:

— Сяо Бай, хочешь помочь учителю развеять тоску?

Юноша вскинул глаза:

— Как бессмертный Тао Жуй догадался?

— Да у тебя на лице всё крупными иероглифами написано, — Тао Жуй шутливо ткнул пальцем в собственную щеку. — У меня есть одна забавная задумка, но для неё мне придётся на время занять твоё тело. Согласен? Тогда я помогу тебе его порадовать.

Шэнь Цзибай согласился без лишних расспросов:

— Хорошо.

Бессмертный даже растерялся от такой безоговорочной покорности. Подперев подбородок ладонью, он восхищённо покачал головой: «Каков почтительный ученик!» В то же мгновение его призрачная сущность обратилась в струйку белого тумана и беспрепятственно скользнула в тело Шэнь Цзибая.

В эти дни в смертном городе Ичэне царило небывалое оживление. Дерево Лююй сотворило Зеркало мирских состояний, и теперь оно безмолвно сияло высоко в лазурном небе. На гладкой поверхности артефакта то и дело мелькали живые картины: то неслись во весь опор императорские всадники, сверкая доспехами, то загорались праздничные фонари на улицах

столицы, сулящие домам благополучие.

Сун Цимин отдыхал у Пруда Нефритовых лотосов, всего в тридцати шагах от места, где обычно тренировался Сяо Бай. Развалившись на гладком замшелом валуне под сенью раскидистого дерева Жунцин, он сладко дремал. Сон его был столь глубок, что зажатая в пальцах глиняная пиала выскользнула и с глухим стуком покатилась по траве.

Встревоженный шумом, Цимин неохотно разлепил веки. Перед ним стоял ученик, но одного взгляда хватило, чтобы понять: Сяо Бай сейчас сам не свой. В его повадках сквозило чужое, несносное кокетство — старый прохвост Тао Жуй всё-таки прибрал к рукам чужое тело.

Вздохнув, Сун Цимин уронил голову обратно на холодный камень и зажмурился.

— Брат Тао Жуй, кончай паясничать, — пробормотал он.

Тао Жуй, глядя на него прелестными глазами Шэнь Цзибая, прикрыл рот рукавом и заканючил:

— Ой-ой, неужто за своего драгоценного ученика испугался?

— Выметайся, — сухо отрезал Цимин, не открывая глаз.

— Ну чего ты сердишься? Сяо Бай сам умолял меня помочь тебе развеяться. — Тао Жуй прекрасно знал мягкий нрав Цимины, а потому нагло пользовался его добротой. — Мальчишка извёлся весь, глядя, как ты чахнешь. Он пока меч точил, все глаза в твою сторону проглядел!

Сун Цимин не спеша принял позу лотоса и принялся задумчиво разминать левую ладонь.

— Выходи по-хорошему.

— Полно тебе, брат Цимин! Неужто ты совсем не ценишь мою заботу?

— Пошёл вон, паршивец! — рявкнул Сун Цимин и наотмашь влепил ученику звонкую пощёчину.

От такого весомого аргумента тело Шэнь Цзибая качнулось и мешком рухнуло на траву.

Выбитый из чужой плоти дух Тао Жуя завис в воздухе, потрясённо глядя на быстро наливавшийся багрянцем след от ладони на щеке юноши.

— Безжалостный ты человек, — протянул он с укоризной. — Родного ученика не пожалел.

— Будет знать, как якшаться с проходимцами, — хмуро бросил Цимин, сверкнув глазами.

Тао Жуй впервые видел Цимина в таком яростном расположении духа, и его любопытство разгорелось с новой силой.

— Что же так растревожило твою душу, почтенный брат? — мягко спросил он, подлетая ближе.
— Неужто случилось какое-то несчастье?

Сун Цимин бережно приподнял бесчувственного юношу и устроил его голову у себя на коленях.

— Ничего из ряда вон выходящего, — тихо ответил он, доставая из широкого рукава заветный флакон с мазью из нефритовых цветов.

Он принялся осторожно, едва касаясь кончиками пальцев, втирать целебное снадобье в распухшую щёку Сяо Бая. Пространство Лююй окутала тишина, прерываемая лишь шелестом вечнозелёных крон от залетавшего с запада ветерка. Глядя на безмятежное лицо спящего ученика, Сун Цимин мысленно вздохнул.

— Скоро начнётся Великое собрание боевых искусств, но сдаётся мне, на этот раз привычный ход вещей будет нарушен. Тао Жуй, ты ведь бываешь в Ичэне. Слышал что-нибудь?

— А ты и впрямь видишь всё насквозь, — усмехнулся Тао Жуй. — В Ичэне сейчас беспокойно. Мало того что старый император дышит на ладан, так ещё и проклятый Путь ордена Тан потянул свои грязные щупальца к трону. Они уже вовсю вмешиваются в дела двора, из-за чего наследного принца И Хуа в народе теперь кличут не иначе как безвольным ничтожеством.

Каждый из бессмертных понимал: если Путь ордена Тан приберёт к рукам власть в столице, земли смертных захлебнутся кровью. Сун Цимин прекрасно знал, к какому финалу катится эта история, ведь суровые рамки сюжета неумолимо вели их к трагедии. Однако система уже выставила перед ним непреклонное условие: он обязан взять Шэнь Цзибая с собой в Ичэн и спасти наследного принца И Хуа. И главным ключом к выполнению этого задания было скорейшее снятие печати с духовных каналов Сяо Бая.

Снять печать — дело нехитрое. Беда заключалась в том, что по канону сделать это должна была исключительно Се Тайю. Вот только юной девы сейчас и след простыл. К счастью, система предложила обходной путь: Сун Цимин мог сам провести ритуал, а затем с помощью магии скорректировать память ученика, внушив ему, будто спасительницей выступила Се Тайю. Самой же деве предстояло запечатлеть в разуме ложное воспоминание о том, как она исцелила Шэнь Цзибая.

Всё складывалось на редкость удачно. Такой маневр избавлял от лишних хлопот, да ещё и позволял разом забрать награды за два важнейших квеста: «Первая встреча героев» и «Снятие печати». Взвесив все за и против, Сун Цимин твёрдо произнёс:

— Смута в столице не продлится долго. Как только я завершу здесь дела, мы немедленно отправимся в Ичэн, где и встретимся с тобой.

Тао Жуй лукаво сощурился:

— Надо же, наш благообразный затворник решил снизойти до мирской суеты! А ведь ещё недавно ты с таким важным видом поучал меня, твердя, что бессмертным не пристало вмешиваться в дела смертных. Что же изменилось?

— Моё невмешательство заканчивается там, где поднимает голову Путь ордена Тан, — ледяным тоном отозвался Сун Цимин.

В этот момент Шэнь Цзибай пришёл в себя. Едва приоткрыв глаза, он увидел склонившееся над ним лицо наставника. Тот о чём-то увлечённо беседовал с Тао Жуем и даже не заметил, что его подопечный очнулся. Ловя каждое слово их долгого разговора, Цзибай сладко нежился на тёплых коленях учителя, притворяясь спящим. В вышине всё так же беззвучно переливалось Зеркало мирских состояний, а в Пруды Нефритовых лотосов лениво плескались алые карпы, пугая кружащих над водой стрекоз.

Вскоре юноша почувствовал на себе пронизательный взгляд Тао Жуя — тот явно раскусил его хитрость. Делать было нечего. Преодолевая смущение, Цзибай сладко зевнул, потёр глаза и медленно сел, растерянно озираясь по сторонам:

— Учитель... Что со мной стряслось?

Тао Жуй забавлялся от души — на его лице играла хитрая, заговорщическая усмешка, а он весело не отрывал взгляда от покрасневшего юноши.

Сун Цимин кивнул в сторону парящего духа:

— Этот старый пакостник вздумал порезвиться и занял твоё тело. Мне пришлось прибегнуть к крайним мерам, так что... прости своего учителя за тяжёлую руку. Не уберёг я твоё лицо.

— Я сам глупец, раз согласился на его уговоры, — поспешно ответил Цзибай, опустив голову.
— Наставник ни в чём не виноват.

— Вот видишь, видишь! — заверещал Тао Жуй. — Я же говорил, что всё было полюбовно!

Сун Цимин не удостоил его ответом. Лишь небрежно взмахнул рукавом, поднимая яростный порыв ветра, который мгновенно окутал назойливого духа и безжалостно загнал его обратно в истинную форму.

Очистив пространство от назойливого гостя, Сун Цимин устало вздохнул. Видимо, от безделья у Тао Жуя совсем помутился разум, раз он повадился докучать им по пустякам.

Обернувшись, Цимин заметил, что Шэнь Цзибай так и сидит на коленях на каменной плите, робко потирая горящую щеку. Чувство вины вновь укололо сердце наставника. Он мягко подался вперёд и коснулся пальцами припухшей кожи юноши.

— Сильно же я тебя приложил, — сокрушённо вымолвил он.

Шэнь Цзибай вскинул глаза, утонув в глубоком, похожем на звёздную бездну взоре учителя. Сердце юноши пропустило удар. От этого мимолётного прикосновения в глубине его души шевельнулось нечто странное, пугающее и одновременно сладостное.

Он долго молчал, словно очарованный, и наконец едва слышно прошептал:

— Мне совсем не больно.

Сун Цимин мягко улыбнулся, не убирая ладони:

— Щека так горит, а ты упрямишься.

На губах Шэнь Цзибая тоже расцвела робкая улыбка:

— Если учитель подержит так руку подольше, то вся боль мигом уйдёт.

Сун Цимин посмотрел в его чистые, сияющие преданностью глаза. Он уже открыл было рот, чтобы ответить, как вдруг до его обоняния донёсся тонкий, дурманивший аромат. Из глубин Пруда Нефритовых лотосов поднималось благоухание распустившихся синих лилий. Этот запах — пьянящий и лишающий воли — мгновенно окутал берег.

Почувствовав, как странная слабость разливается по телу, а мысли предательски путаются, Сун Цимин резко отдернул руку. Он поспешно поднялся на ноги и неловко кашлянул:

— Нам пора возвращаться в обитель. Цзибай... к концу месяца ты должен завершить все приготовления. Мы покидаем пространство Лююй.

Шэнь Цзибай, так и не поняв, что заставило учителя столь поспешно отступить, послушно склонил голову:

— Слушаюсь.

<http://bllate.org/book/20145/2151273>